

Чтобы выбросить из головы мысли о Касуми, я полностью погрузился в съемки фильма.

Каждый раз, когда в подсознании мелькал её образ, я старался вытеснить его мыслями о фильме, поэтому теперь думал о нём постоянно — и утром, и днём и ночью.

Монтаж для меня пока дело новое, но я надеялся, что у меня получится что-то стоящее. Ведь это единственное, что я смог придумать. Единственное, чем я мог бы помочь Касуми.

Касуми решила стать «обычной девушкой» ради успеха школьного фестиваля и ради своего класса.

Значит, всё, что мог сделать я — это закончить этот фильм.

В какой-то момент, из-за перемен, произошедших с ней, энтузиазм по поводу съемок угас, но учитель приносил нам угощения, а Тадокоро, который каждый день приходил в школу на клубные занятия, приводил с собой членов клуба, чтобы помочь. Благодаря этим неожиданным гостям, энтузиазм не угасал, и я был очень этому рад.

К тому же, наверняка все уже догадывались о причине перемен, произошедших с Касуми, и о её мотивах.

Однако до сих пор случалось, что были и нежеланные гости.

То это были пришедшие поглазеть на нас ученики из других классов, то старшеклассники, отпускающие язвительные замечания так, чтобы мы их услышали.

Поначалу меня задевало их поведение, но в итоге я понял, что с этим ничего не поделаешь. Наверное, им просто не нравилось, что Касуми училась в нашем классе.

Впрочем, мы никак не могли повлиять на то, что Касуми учится в нашем классе, поэтому просто сконцентрировались на подготовке к фестивалю, стараясь не обращать на недоброжелателей внимания. Все мы понимали, что Касуми важнее чужого мнения.

Наоборот, в классном чате LIME (Котоно недавно создала его, и Касуми, конечно, тоже там есть) одноклассники, похоже, начали даже гордиться тем, что учатся в «классе Касуми Миру». Похоже, они больше не расстраивались из-за злобы, направленной в их сторону, даже, скорее, прониклись идеей доказать всем свою силу, одержав безоговорочную победу, но...

О, Кашиваги! Да ты что, в свой выходной? Класс три, да вы с ума посходили так серьезно к этому относиться.

Говорить, что на самом деле меня не задевают подобные фразы, было бы неправдой

Холодный голос, от которого воздух вокруг мгновенно наэлектризовался, принадлежал Симидзу. В прошлом году он состоял в фестивальном комитете нашего с Тадокоро классе.

— ...А, это ты... Ну да.

Хоть меня и окликнули по имени, все мои мысли занимала структура сцены.

Поэтому я решил отделаться невнятным приветствием, чтобы он отвалил... Должно быть, это его и задело.

— Неплохо вы устроились, класс три. Использовать Миру — чистое читерство. Я всё время

думаю: к чему эти старания, если вы и так победите?

Хотя, возможно, он лишь притворялся, что цепляется ко мне, а на самом деле его целью была Касуми.

Я был вынужден поднять на него глаза и небрежно бросить:

— ...Какая разница? Мы просто хотим получить удовольствие от фестиваля.

— Ха? Ты вроде не был из тех, кто горит школьными фестивалями. Ты всегда казался таким апатичным, потому что у тебя всё получалось без особых усилий. Ни разу не видел, чтобы ты чем-то так увлёкся.

— ...Ну...

— Ты тоже хочешь показать Миру, на что способен?

— ...

Всегда апатичный, делающий всё спустя рукава.

Наверное, так оно и было.

Меня вроде бы всё устраивало, но чего-то вечно не хватало. Мне казалось, что если я так и умру, то после меня ничего не останется, а как это изменить, я не понимал. У меня не было друзей, с которыми можно было бы поговорить об этом, а Фую-нэ и Котоно ушли далеко вперёд, оставив меня позади.

Но сейчас всё по-другому. У меня есть Касуми, есть фильм и одноклассники.

Создание чего-то вместе с кем-то оказалось настолько увлекательным, что я готов был посвятить этому всё своё время - и ни капли об этом не жалел.

Год назад, когда я был поглощён тревогой, я бы, возможно, ответил на его слова грубостью.

— Извини, я сейчас занят. Давай потом? — бросил я, изобразив на лице нечто похожее на улыбку.

Сейчас, когда я нашёл частичку «чего-то», мне было уже всё равно, что обо мне думают другие, не важно, вписываюсь я в их рамки или нет. К тому же, пока мы разговаривали, моя голова была занята только мыслями о том, как бы сделать фильм ещё лучше, и слова Симидзу едва ли до меня доходили. Именно сейчас, когда я был так погружен в работу, что меня чуть ли не тошнило от сосредоточенности, мне не хотелось тратить время на Симидзу, с которым мы были едва знакомы. Любое отвлечение выводило меня из себя.

— Ты это серьёзно, Кашиваги? Мне даже как-то неловко стало.

— Правда? А мне вроде как весело.

— Смотрю, ты, похоже, выпендриваешься.

— ...Неужели?

Я небрежно усмехнулся и вернулся к работе.

Думал, что если буду его игнорировать, то он надоеет сам себе и уйдёт.

Как бы не так! Симидзу не удовлетворился тем, что просто попытался вывести меня из себя.

— Кстати говоря, класс три, неплохо вы, конечно, придумали это читерство – использовать Миру. Я всё время думаю: к чему вам вообще стараться, вы и так победите!

Я поднял голову. Симидзу, насмешливо хихикая, продолжал:

— В конце концов, вы всё равно будете использовать известность Мируфи, верно? А, ну да, вы же так всегда делаете. Типа, это ваша тактика такая? Не надо строить из себя прилежных. Весь класс считает, что вы ведёте себя как идиоты, не замечали? Не удивлюсь, если кто-нибудь "случайно" обольёт вас водой. Впрочем, меня это не волнует.

— Эй!

Неужели Котоно и правда смолчала, когда этот тип над ней издевался?

Я был настолько взбешён, что чуть не сорвался, но, увидев краем глаза Котоно, которая молча смотрела прямо перед собой, сдержал порыв наброситься на него.

— Не зазнавайтесь только потому, что учитесь с ней в одном классе. Уверен, Мируфи тоже от этого не в восторге!

Даже если я, Котоно или кто-то из наших одноклассников будет возражать, даже если мы скажем, что она не пострадала, Касуми все равно будет винить себя.

Даже чувствуя боль, она будет делать вид, что всё в порядке, лишь бы не волновать окружающих.

Поэтому я решил полностью его игнорировать...

— Что плохого в том, чтобы стараться?

На мгновение я даже не понял, кому принадлежит этот резкий голос.

— ...Касуми...?

Все это время она притворялась «обычной».

Она не выделялась, подавляла себя.

Касуми, которая сейчас вела себя совершенно иначе, не обратила внимания на мои слова и медленно направилась к Симидзу.

— ...Знаешь? Рен-кун не спит ночами, обдумывая ракурсы для съёмки. Поэтому в последнее время он постоянно клюёт носом на уроках.

Мое имя внезапно слетело с её губ, и у меня по спине пробежал холодок.

— Котоно-тян добавила для меня сцену. Представляешь, из-за меня её доставали, а она продолжает общаться со мной как ни в чём не бывало... и... даже... волнуется...

— ...Ты... заметила? — пробормотала Котоно, стоявшая рядом. Её лицо было готово расплыться

от слёз.

— ...Сакамото-сан сделал реквизит... У него все руки в пластырях... а он... взял и отшутился, сказал, что дома поранился... Асамия-сан... хотя у неё были все основания меня ненавидеть... но недавно... она впервые... сказала, что я молодец... и даже... немного... одобряет меня...

Касуми продолжала перечислять одноклассников, запинаясь, едва сдерживая слезы.

— Глупо, правда? Зачем они так стараются? Зачем они мне помогают? Зачем... не бросают? Зачем... защищают меня? — выпалила она с горечью, а потом глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

— Я... ведь это всё из-за меня...

Касуми улыбнулась, но её улыбка была какой-то надломленной. Невозможно было понять, что она чувствует - радость или горечь.

Наверное, она была уже на грани.

Ее голос дрожал, каждое слово давалось ей с трудом, будто она сдерживала рыдания.

Она пыталась улыбнуться, но губы не слушались её, а в глазах, готовых вот-вот пролиться слезами, читалась боль.

Она стояла передо мной, такая хрупкая и тонкая, что казалось, ещё немного - и она просто сломается, но я почему-то был уверен, что этого не произойдет.

— Это я всем мешаю. Это из-за меня у всех проблемы! А ты говоришь, что они просто используют мою популярность?! Издевался над Котоно-тян, а теперь прикрываешься «несчастливым случаем»? Прекрати уже это!

Я просто обомлел: Касуми кричала! За два месяца я ни разу не видел её такой злой.

— Я ненавижу людей, которые смеются над теми, кто старается! Что?! Значит, те, кто ничего не делают, лучше?! Почему?! Вы смеётесь над теми, кто старается, называете их «слишком серьёзными»! И в чём, скажите на милость, вина тех, кто прикладывает усилия?! Только и можете, что критиковать да языками чесать... На самом деле, вы просто не способны признать чужой труд! Вот кто по-настоящему жалкий!

Симидзу остолбенело смотрел на красивейшую девушку, стоявшую перед ним.

Касуми, сдерживая слёзы, вдруг ослепительно улыбнулась - так счастливо, что у меня захватило дух.

— Ты ничего не знаешь ни о моих одноклассниках, ни об их стараниях, ни об их доброте!.. Не позволю тебе больше их оскорблять!

Эта улыбка... была боевым знаменем айдола, вызов всем и каждому. "Улыбайся, что бы ни случилось", — всплыли в памяти её слова.

И я не один не мог оторвать от неё глаз. Я уверен, что все смотрели только на неё.

"Смотрите! Смотрите же на меня!" — словно кричала она всем своим существом.

Касуми была на грани, словно мильфей, в который грубо воткнули вилку, — казалось, ещё секунда, и она рассыплется, но пока ещё держалась.

— ...

У меня перехватило дыхание.

Неужели это и есть настоящая Касуми Миру?

Я увидел сакуру. За спиной Касуми, сакуру в полном цвету.

Я машинально сложил руки в рамку, как будто держал камеру, а потом опустил их, понимая, что никакой сакуры нет.

Я хотел запечатлеть ее. Запечатлеть Касуми такой, какая она была сейчас.

— Что это сейчас было...?

Меня бросило в дрожь.

Настоящая Касуми Миру заставила меня затаить дыхание и остолбенеть от восхищения.

— Она невероятная... потрясающая.

Я всегда думал, что она слишком многое держит в себе.

Мне казалось, будто она просто решила, что должна винить себя во всём.

Я даже злился: почему она так изводит себя, даже плакать себе не позволяет?!

И только сейчас я впервые понял: она делала это, чтобы защитить то, что ей по-настоящему дорого.

«Я всё делаю ради класса... ради тебя, Рен-кун! Поэтому... моя жизнь... ничего не значит... Я запираю свои чувства на замок и стараюсь изо всех сил, даже если всем плевать на меня!»

Её слова внезапно всплыли в моей голове.

Тогда я, хотя и слышал их, на самом деле не понимал их смысла.

Я и понятия не имел, насколько сильно она дорожит своими одноклассниками.

Это я ничего не понимал, а не она.

«Касуми Миру не такая, как все» — так ведь говорят?

Да, она не такая, как все.

Ради тех, кого она любит, она готова на всё: терпеть, бороться, разбиваться вдребезги... Улыбаться для других, даже если душа разрывается от боли.

Но именно такая Касуми Миру и является настоящей.

— ...Вот почему...

Я всегда предпочитал прятаться за своим талантом, бежал от ответственности и боялся даже мысли об изменениях... И вдруг внутри меня что-то щёлкнуло. Пусть это выглядело глупо и наивно, но я впервые по-настоящему захотел измениться.

Именно поэтому слова Симидзу выводили меня из себя.

Я его никогда не прощу.

Я пробормотал это себе под нос и подошёл к Касуми, которая выглядела так, словно вот-вот упадёт.

— Мы не зазнаемся и не гонимся за победой. — Я старался говорить твердо. — Нам неинтересно соперничать с тобой из-за такой ерунды. Честно говоря, это просто раздражает.

Симидзу покраснел, увидев и преобразившуюся Касуми, и мою реакцию. Но я не собирался его прощать.

Он перешел все границы, когда начал насмехаться над Котоно.

"Что ж, с такими, как он, мне не по пути".

Пусть распускают слухи — что Кашиваги изменился, что у него "поехала крыша"... Мне всё равно. Те, кто отвернётся от меня из-за этих сплетен, мне не нужны.

Нельзя же нравиться абсолютно всем.

Сейчас, когда я так увлечен, меня это мало волновало.

Я не мог остановиться, слова сами рвались наружу.

— ...Знаешь, выкладываться на полную гораздо веселее, чем я думал. Когда делаешь что-то всерьез, это обретает смысл... Впрочем, тебе этого не понять.

Боже, Касуми — просто невероятная.

А я слабак... Стоило мне произнести эти непривычные слова, как у меня задрожали колени.

— В общем... Скучать каждый день или выкладываться на полную... Мой выбор очевиден.

— ...

Симидзу покрасневший как рак, пробормотал что-то невнятное.

— Ну и ладно. Наслаждайся своей договорной гонкой.

— И ты наслаждайся, неудачник. И чтобы ноги твоей больше не было в нашем классе!

— ... !

— И вообще... не важно, будет участвовать Касуми или нет, в этом году наш класс победит!

Я уже подумал, что, может, перегнул палку, но тут раздался ледяной голос Котоно:

— Я сейчас позову учителя и скажу, что вы нам мешаете!

Эти слова, видимо, привели Симидзу в чувство, потому что он тут же убежал.

Я обернулся. Одноклассники ликовали.

Как только Симидзу скрылся из виду, Касуми рухнула на землю. Одноклассники окружили её и начали говорить, какая она крутая, а её лицо выглядело так, словно она вот-вот расплачется.

— Мируфи, ты была просто невероятна!

Котоно с улыбкой смотрела на Касуми.

— М-м. Спасибо тебе тоже, Котоно.

— ...Да не за что. Это ты нас спасла. Да и Кашиваги-кун, похоже, сильно изменился после встречи с тобой.

— Хм, ну да, ага, —

Я попытался отшутиться и положил руку Котоно на плечо.

— ...Не мог же я не измениться.

Дело не в том, что она айдол.

Касуми такая классная именно потому, что она — Касуми Миру.

А я, дурак, не понимал этого... и сделал ей больно...

— ...Я...

— Рен-кун, ты идёшь со мной!

— А?!

Она схватила меня за рукав и потянула за собой.

Краем глаза я заметил яркую вспышку — розовую, словно лепестки сакуры в разгаре цветения.

— Если ты не пойдёшь со мной, я расплачусь.

— ...Кажется, ты и так на грани.

— Замолчи!

Касуми пытаюсь сдержать слёзы, потянула меня за собой. Её хватка была такой слабой, что я мог бы легко вырваться.

— Куда мы идём?

— ...Не знаю!

— Что значит — не знаешь?

Но её взгляд был полон решимости. Я был рад снова видеть этот огонёк в её глазах, рад, что мы снова можем разговаривать... поэтому решил позволить ей просто вести меня за собой.

— Котоно!! Собери наши с Рэн-куном вещи и положи в шкафчики в классе!

Я заткнул уши, чтобы не слышать возмущённых криков Котоно: «Что?! А как же уборка?!», и мы пошли дальше.

Касуми отпустила мой рукав и взяла меня за руку.

— ...Если отпустишь, я рассержусь.

Её большие глаза были полны слёз. Она смотрела на меня снизу вверх, и её рука дрожала. Она сжала мою руку так крепко, словно боялась, что я уйду.

——— Таковую... как же её не захотеть защищать?

Касуми буквально утащила меня из школы. Мы помчались куда-то сломя голову, и остановились только у огромного жилого комплекса.

— Это мой дом.

— Что?!

Пока я, ошеломлённый, смотрел на многоэтажку, Касуми быстрым шагом прошла в здание, приложила карточку к турникету и привычным движением вызвала лифт, словно делала это каждый день.

— ...Слушай, а ты что, серьезно живёшь здесь одна?

— Конечно. Я же, как-никак, была топ-айдолом.

«Ну да, на аренду квартиры ей точно хватало», — подумал я.

Она нажала кнопку последнего этажа — естественно, самого дорогого.

Я, простой парень из обычной семьи, чувствовал себя не в своей тарелке.

— А... кто-нибудь ещё был у тебя дома?

— Нет. Ты же знаешь, у меня нет друзей, которых я могла бы пригласить домой. Я ведь тебя пригласила, потому что ты это ты.

Неужели эта бывшая айдол не может и двух слов связать без кокетства?

Моё сердце колотилось — давно я не испытывал такого волнения. Тем временем, лифт объявил о прибытии.

— Вот мы и приехали. Снимай обувь и заходи.

— ...Простите за беспокойство.

Господи, как же я волнуюсь!

У меня даже живот заболел от нервов. Я снял обувь и прошёл в гостиную. Она была обставлена очень просто — ничего лишнего, ни одной вещи, будто её хозяйка — убеждённый минималист. В ней почти не было вещей, а мебель была в основном однотонной.

Эта простота немного успокаивала, но я всё равно нервничал. Осматриваясь, я подошёл к большому окну как раз в тот момент, когда солнце садилось за горизонт.

— Какой красивый вид!

— ...А? Да, красиво...

Касуми жила здесь уже два месяца, но, кажется, не замечала этого. Пробормотав это себе под нос, она открыла замок на балконной двери.

— Давай поговорим на свежем воздухе.

Я постарался успокоиться и, ответив: «Да, давай», — взял предложенные ею шлёпанцы и вышел на балкон.

Балкон в высотке, конечно же, отличался от тех, что были в домах обычных людей: он был таким огромным, что скорее походил на веранду.

Прохладный, но приятный ветерок коснулся моей щеки.

Купаясь в лучах закатного солнца, я сел на белую скамейку, на которую указала мне Касуми. Она привела меня сюда, чтобы поговорить наедине.

Чем раньше я всё скажу, тем лучше.

— ...Слушай... прости за тот раз. Я наговорил тебе кучу всего, основываясь на своих домыслах...

— Это ты меня прости...

Касуми ответила так легко, что я чуть не растерялся.

— Ты тут ни при чём, это я вела себя глупо.

Она села на диван и тихо произнесла:

— Ты ведь спросил у Фуюки-сан обо мне, да?

—

— Я не виню её. Ведь я сама ей все рассказала. Я так и думала, что ты к ней пойдёшь.

Я тут же сложил руки в знак извинения и поклонился.

— Прости.

— За что?

— За то, что рылся в твоём прошлом.

— Формалист*. Я злюсь и не обижаюсь. Ведь в Sukiopedia и так написано почти всё о моей жизни.

[Прим. Акаги. в японском оригинале использовано одно слово - 正直 (Ритигися). Выражение 正直 (ритиги) имеет значения: честность; правдивость; добросовестность. Т.е. Касуми

подразумевает, что ГГ слишком вежлив, слишком педантичен в вопросах приличий и этикета]

Касуми расплылась в неловкой улыбке и приложила указательный палец к моим губам.

— Поэтому я расскажу тебе то, чего там нет.

У меня перехватило дыхание от волнения.

— Ты же знаешь историю про то, как мне остригли волосы? Так вот, жизнь того человека полетела под откос.

— Что?

— Если подумать, то это было ожидаемо. СМИ заставили молчать, и об этом знали только в агентстве, но я ведь была их главной звездой. Они, естественно, заявили в полицию.

Прежде чем я успел сказать хоть слово, она продолжила:

— И у него, представь себе, была жена и новорождённый ребёнок.

Её слова были острыми, как нож.

— Это...

Тяжело. Эта история была настолько ужасной, что мне даже не хотелось знать, что было дальше.

Но Касуми продолжала улыбаться так, словно она уже испытала все страдания в своей жизни.

— И он, представь себе, пришёл просить прощения. А когда компания отказалась его прощать, он начал кричать, что это Касуми Миру разрушила его жизнь. Это только слухи, так что я не знаю, насколько они правдивы.

Фую-нэ наверняка знала, что мне станет ещё хуже, если я об этом узнаю, поэтому и молчала.

Касуми глубоко вздохнула и продолжила:

— Конечно, все вокруг пытались меня защитить. Но факт в том, что после этого инцидента Фуюку-сан перестали продвигать в агентстве. И я начала думать, что, может быть, лучше бы я и не становилась айдолом... что, возможно, есть ещё люди, чьи жизни пошли наперекосяк из-за меня... и эти мысли не давали мне покоя... и поэтому...

Касуми вдруг улыбнулась с таким отчаянием, что противоречило её серьёзному тону.

— ...Я сломалась. Не смогла вернуться на сцену.

—

— В итоге я поставила свои собственные интересы выше интересов фанатов. Меня спасли, но, несмотря на это... я испугалась, что меня возненавидят... испугалась этого больше, чем того, что не смогу сделать своих фанатов счастливыми. И тогда, я поняла, что больше не смогу быть айдолом.

Она была так близко, и в то же время так далека от меня.

— Да, есть те, кому нравится Мируфи, но нет никого, кто принял бы Касуми Миру. Потому что настоящая я... совсем не такая. Я не лажу с людьми, всё разрушаю, меня все ненавидят...
...Когда я была айдолом, я просто старалась не обращать на это внимания.

— Не говори так...

— Но так и есть. И сейчас, если бы не ты, всё бы повторилось. Я ведь ненормальная, правда? И из-за этого страдают окружающие.

Она хотела что-то сказать, но вдруг её лицо исказилось от боли.

— ... Почему-то... я всегда оказываюсь одна.

Её хрупкие плечи дрогнули — казалось, ещё чуть-чуть, и она сломается.

Наверное, поэтому она и хочет быть обычной, потому что думает, что так не сможет никому навредить.

Она изо всех сил пыталась скрыть свою боль, сделать вид, что всё в порядке, и помочь другим, забыв о себе.

— Я никудышный айдол. К тому же, есть много девочек, которые хотят быть айдолами больше, чем я. Нет никаких причин, почему именно я должна им быть.

Наверняка Касуми добрее всех на свете и очень любит людей.

Именно поэтому я до сих пор не могу перестать восхищаться ею.

Если честно, поначалу я просто хотел что-то изменить в своей жизни. Меня привлекла её аура, я стал восхищаться ею, захотел стать её другом, узнать её поближе... Но Касуми превзошла все мои ожидания.

Она всегда отдаётся всему без остатка, такая искренняя, такая эмоциональная...

Она всегда думает других, винит во всём себя, но при этом не сдаётся, движется только вперёд, сияя так ярко, что больно смотреть.

Но почему же она ни разу не попыталась признать собственные заслуги?

Она такая потрясающая... настолько, что порой мне кажется, что до неё невозможно дотянуться...

Почему же она отрицает всё это?

Меня переполняли эмоции, которые я не мог сдержать.

Кажется, я очень разозлился.

— Так ты хочешь сказать, что тебе не нравилось быть айдолом? Что ты жалеешь о том, что стала айдолом, создала себе новый образ и перестала быть «обычной девушкой»?

— В-вообще-то... Нет!

Её слова прозвучали как выстрел.

— Я не жалею! И не притворялась! Некоторые люди посвятили мне всю свою жизнь, жили ради меня, так что, как бы мне ни было тяжело, как бы сильно я ни изменилась, я ни разу не пожалела об этом!

Я почувствовал облегчение. Это была та самая Касуми, которой я восхищался, которая была для меня недосягаемой.

— Вот и отлично!

"Всё остальное неважно, сконцентрируйся только на мне".

Вместо того, чтобы сказать это, я обхватил лицо Касуми руками.

— Может быть, ты и не планировала становиться айдолом... Может быть, думала, что проиграла кому-то... Но ведь ты по-своему полюбила и своих фанатов, и работу айдола, разве нет?

Иначе ты бы не мучилась так сильно.

— Но ты испугалась и решила уйти. Что ж, это твой выбор. Ты ведь теперь обычная девушка, так наслаждайся этим! А если когда-нибудь захочешь вернуться — возвращайся!

Касуми посмотрела на меня снизу вверх и оттолкнула мои руки.

Она встала и, словно сдерживая рыдания, закричала:

— ... Я не могу быть такой эгоисткой!

— Это не эгоизм. Это твоя жизнь, ты имеешь право меняться.

—

— Да, ты была айдолом. Но это не значит, что ты должна быть ею всегда.

Именно так. Ни больше, ни меньше.

— Если ты найдёшь то, чем хочешь заниматься, я стану твоим самым преданным фанатом! А если будешь грустить, я назову тебе сотню причин, почему ты самая лучшая!

Ведь она вдохновила меня, заставила меня, человека, который ничем не увлекался, так измениться.

— Не смей себя недооценивать! Ты удивительная! Я восхищаюсь тобой! ... И поэтому я не позволю тебе больше говорить о себе такие вещи!

Ох, чёрт, несу какую-то чушь, но...

— Из-за тебя... из-за тебя я хочу измениться!

.....

Касуми молчала.

Повисла тишина.

Она опустилась на скамейку, словно силы покинули её.

Я посмотрел на её лицо и наконец-то понял.

— ... А... а...

Касуми тихо плакала.

Она пыталась сдержать всхлипы.

Её большие глаза были полны слёз, которые текли по её лицу, оставляя на нём мокрые дорожки.

В каплях, стекающих по её белой коже, отражались последние лучи заката.

— ... А...

Я смотрел на неё, не в силах ничего сделать.

Я и представить себе не мог, что увижу её слёзы.

Потому что она всегда, что бы ни случилось, сдерживалась, крепко сжимала губы и смотрела только вперёд.

Притворялась, что всё хорошо, улыбалась и продолжала бороться, несмотря на боль.

И я, как идиот, решил, что она никогда не плачет.

— ... Ах...

Я осторожно коснулся её щеки, всё ещё хранившей тепло заката.

— ... Не верю.

— А?

— Скажи это ещё раз!

Касуми слегка подняла голову и, всхлипывая, повторила свои слова.

Я гладил её по спине и начал перечислять:

— ... У тебя красивая улыбка...

— Конечно!

— Ты очень прямолинейная.

— ... Н-ну...

— Всегда стараешься изо всех сил.

— ... А... а...

— Упрямая и эгоистичная.

— Это не комплимент...!

— Комплимент. Мне нравится в тебе и это тоже.

Может, это и прозвучало глупо

Я неловко улыбнулся, чтобы скрыть смущение, но Касуми вдруг притянула меня к себе и ущипнула за щеку.

— Ай! Больно же!

Не обращая внимания на мой протест, Касуми свободной рукой вытерла слёзы и, всё ещё всхлипывая, улыбнулась.

— ... Дурак... ты... ты ничего не знаешь... но заставляешь меня чувствовать... ненавижу тебя...

—

— ... Но всё же... спасибо... спасибо, что помог мне понять... что я... что я действительно любила их... своих фанатов.

И в этот момент её улыбка показалась мне самой прекрасной на свете.

Солнце село, небо окрасилось в тёмные тона.

Блеклый лунный свет отражался в глазах Касуми.

<http://tl.rulate.ru/book/103837/4628863>